

Гувернантка остановилась посреди комнаты. Голова ея была опущена, и она быстро и неровно дышала. Мистриссъ Линлей подошла къ тому мѣсту, на которомъ стояла дѣвушка. Въ ея красотѣ было что-то божественное, когда она поглядѣла на убитую дѣвушку и взяла ее за руку.

Сидни упала на колѣни. Молча прижала она великодушную руку къ губамъ. Молча мистриссъ Линлей подняла ее, взяла рекомендательное письмо со стола и подала ей.

Линлей поглядѣлъ на жену, поглядѣлъ на гувернантку. Ни та, ни другая не говорили ни слова. Онъ не могъ этого вынести и сказалъ Сидни:

— Поблагодарите же м-съ Линлей.

— Я не могу говорить, — отвѣчала она слабымъ голосомъ.

Онъ обратился къ женѣ.

— Скажи ей одно доброе слово на прощанье! — молилъ онъ.

Она сдѣлала усиліе, тщетное усиліе, чтобы исполнить его желаніе. Жестъ отчаянія отвѣтилъ за нее, какъ отвѣчала Сидни:

— „я не могу говорить“!

Вѣрные христіанской добродѣтели, которая требуетъ раскаянія и прощенія, эти три лица стояли передъ разлукой, побѣдивъ свое брѣнное тѣло и восторжествовавъ надъ нимъ.

Жалѣя женщинъ, Линлей рѣшился взять на себя всю тягость прощанья.

— Могу ли я сказать, Катя, что ты желаешь ей счастья на прощанье?

Мистриссъ Линлей пожала ему руку.

Онъ подошелъ къ Сидни и передалъ порученіе жены. Теперь ему слѣдовало прибавить что-нибудь отъ себя; но онъ могъ сказать только — и мы знаемъ съ какой горестью — банальное слово „прощайте!“ и прибавить не менѣе банальное: „желаю вамъ всего хорошаго!“

Въ послѣднюю минуту дѣвочка вѣжала, ища мать.

При видѣ ея, шопотъ ужаса вырвался у присутствующихъ. Это невинное сердце! Они всѣ надѣялись, что мука разставанья пройдетъ мимо нея!

Она увидѣла, что Сидни — въ шляпѣ и пальто.

— Вы уже одѣты для прогулки? — сказала она.

Сидни отвернула лицо, чтобы скрыть слезы; но слишкомъ поздно: Китти увидѣла, что она плачетъ.

— О! моя милочка! неужели вы отъ насъ уѣзжаете?

Она поглядѣла на отца и на мать.

— Она уѣзжаетъ?